

Президент Путин как русский Гамлет

Страх политического лидера перед принятием решения

2006-08-30 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Эпоха «серьезных» антидемократических идеологий ушла в прошлое. В современном мире трудно найти людей, которые принципиально против демократии, как когда-то против нее были фашисты и монархисты. Сейчас все за демократию и права человека. Даже советское руководство не было против демократии – оно было только против того, чтобы, «прикрываясь лозунгами демократии, поднимали голову антисоциалистические силы». И не против свободы слова – лишь против того, чтобы эта свобода использовалась для «клеветы на социалистический строй». И тем более не может быть сомнения, что президент Путин и его окружение являются сторонниками демократии. А про его предшественника и говорить нечего, он вообще был вождем демократической революции.

Но между признанием того, что демократия – хорошо и правильно, и самой демократией расстояние может быть больше, чем от признания того, что пить и курить – плохо, до трезвого и здорового образа жизни. В современном российском обществе нет серьезных идейных альтернатив демократии, каких-либо целостных идеологий со своими проектами альтернативного демократии устройства. Но нет и культурной и психологической способности жить в условиях демократии (здесь наше общество отнюдь не уникально, такие общества существуют на половине земного шара) – и наоборот, есть выработанные веками привычка к подчинению, страх решать самим, остаться без твердой направляющей руки.

Если у общества нет ни способности жить в условиях демократии, ни идейных альтернатив демократии, возникает та политическая система, которая сложилась у нас и аналоги которой существуют во множестве современных стран, – система личной власти президентов, камуфлируемая демократическими формами, имитирующая демократию. Такая система складывается не по злему умыслу и не по плану, а сама собой. И Ельцина, и Путина на путь построения такой системы толкали само общество, сама жизнь. От их личностей зависело не так много. Можно сказать, что иного пути практически и не было.

Плоды простых желаний

Задача построения демократии вообще не может быть задачей президента. Ведь поставивший ее глава государства должен был бы сам создавать себе оппозицию, которая его отстранит, сам сковывать себе руки, поощрять критику самого себя. Такая задача противоестественна, противоречит нормальным инстинктам человека. (Нечто в этом роде делал Горбачев, но он – почти аномалия.) Самый искренне приверженный демократии правитель не может не стремиться, чтобы его слушались, чтобы ему не

мешали работать, не вставляли на каждом шагу палки в колеса. Он всегда будет хотеть, чтобы после него не пришли к власти люди, которые испортят все, что он сделал, чтобы на важных постах были люди, с которыми ему удобно работать, чтобы те, кого он считает негодьями, получили по заслугам, и т.д. и т.п. И если общество не способно его ограничить и готово ему подчиняться, он, реализуя эти нормальные человеческие желания, будет тем самым создавать авторитарную систему.

Ни у Ельцина, ни у Путина не было никакого плана «удушения демократических свобод». Эти свободы сами собой исчезали по мере решения президентами конкретных проблем.

Ельцин, расстреливая Белый дом, отнюдь не боролся с демократией, более того, наверняка он был уверен, что борется за нее. Он лишь хотел не пустить к власти обнаглевшего Хасбулатова, неблагодарного Руцкого и «красно-коричневых». Создавая свою Конституцию, он тоже не хотел «ограничивать демократию». Он лишь хотел, чтобы оппозиция в парламенте не могла помешать ему проводить в жизнь реформы, которые он считал жизненно необходимыми для страны.

И когда Путин ликвидировал независимое телевидение, он не хотел «ограничить свободу слова» – он только хотел, чтобы телевидение не было орудием в руках олигархов и чтобы там не показывали оскорбительных для него «Кукол». Он не хотел «фактически ликвидировать федерализм» – он лишь хотел ликвидировать положение, когда может быть избран неспособный или даже криминальный губернатор, а президент ничего не может с ним сделать. Он не стремился создавать «неправовую среду и неблагоприятный инвестиционный климат для бизнеса» – он только хотел устранить возомнивших о себе, интригующих и путающихся у него под ногами олигархов и чтобы конкретный Ходорковский оказался в тюрьме. Он не стремился «фактически ликвидировать парламентаризм», он лишь добивался того, чтобы парламент ему не мешал, а помогал в деле «возрождения России» и удвоения ВВП. Все это – нормальные, «законные» желания, хотя, конечно, как у каждого человека, у президента к «идеалистическим» и «деловым» мотивам не могут не примешиваться и эгоистические и «личные».

И весь громадный работающий на Путина аппарат не ставит перед собой цели «удушения демократии». Просто каждый губернатор хочет, чтобы его область не оказалась хуже других и не голосовала на выборах за каких-нибудь демагогов и врагов уважаемого им президента. Каждый прокурор хочет быть хорошим, зорким «оком государевым». При этом, конечно, каждый думает и о себе, своих карьере и благополучии. И т.д., и т.п.

И в условиях, когда общество не способно к демократической самоорганизации, когда сама мысль о том, что можно избрать президентом не того, кто уже является президентом или на кого президент указал, кажется ему страшной и революционной, – в этих условиях каждое решение каждой конкретной проблемы, встававшей перед Ельциным, Путиным и их назначенцами, естественно, само собой уводило нас от демократии и вело к теперешней политической системе, восстанавливающей основные контуры системы советской. Ельцин и Путин могли даже искренне думать, что их действия – это и есть строительство демократии в конкретных

российских условиях, к которым неприменимы, или пока неприменимы, западные стандарты. Просто когда сама дорога идет если не по кругу, то по спирали, ты думаешь, что идешь вперед, но через некоторое время с изумлением видишь, что после долгого и трудного пути вернулся туда же или почти туда же, откуда вышел.

Собственно, весь путь уже пройден. Осталось не так много.

Два шага до цели

Во-первых, осталось ликвидировать конституционное ограничение пребывания президента у власти двумя сроками. Это – естественно возникающая в нашей системе задача, даже не обязательно связанная с каким-то особым властолюбием главы государства. В самом деле, зачем популярному президенту, которому удалось многого добиться, который в расцвете сил, судорожно искать себе преемника (и еще найдешь ли подходящего) и для себя – новое непонятное место работы только из-за того, что, когда его предшественник сочинял Конституцию, ему казалось, что восемь лет – большой срок и до него еще дожить надо? Почему он должен прерывать реализацию своих разнообразных планов или доверять ее другому? Тем более что общество совершенно не хочет ухода Путина. Оно даже думать об этом его уходе не хочет.

Во-вторых, надо довести до логического конца проект с «Единой Россией», окончательно сделать ее президентской партией, такой же «безальтернативной», как безальтернативен сам президент. Опять-таки это задача в наших конкретных условиях естественная и нужная. Решение ее создаст дополнительные рычаги управления, позволит очертить круг лояльных и преданных общему делу лиц, создать кадровый резерв. Позволит больше не растрчивать столько сил на всякие проекты типа создания «Родины», потом раскола «Родины», потом поисков утилизации того, что от нее осталось. Общество окончательно перестанет лихорадить во время выборов. И никаких непреодолимых трудностей в реализации этого проекта нет, он уже почти реализован.

Конечно, если Путин пойдет на изменение Конституции, на Западе поднимется шум. Но, «по большому счету», что нам до этого шума? При наших нефтяных и газовых запасах и западных потребностях в энергоносителях не мы зависим от Запада, а Запад от нас. Даже исключить нас из «восьмерки» – трудно. Да и так ли нам нужна эта «восьмерка»?

Затянувшаяся пауза

И вдруг происходит что-то странное. Здание новой российской государственности уже почти построено. Оно строилось исключительно по указаниям президентов. Осталось приложить немного усилий. И вдруг, в последний момент, власть не хочет эти усилия прикладывать. Более того, она начинает делать что-то странное и даже угрожающее стабильности конструкции.

Путин заявляет, что не собирается менять Конституцию и в 2008 году уйдет. Раз заявляет, два заявляет. Вообще-то такие заявления вполне нормальны. Это – требование приличия. Нужно выдержать паузу, подождать, когда тебя попросят еще и еще раз, и только потом согласиться. Все так и думали (а многие и продолжают думать). Но время идет, пауза уж

слишком затягивается, и все больше возникает впечатление, что решение уйти – серьезное. Почему – никто толком объяснить не может. Вроде бы уже было сказано, что «Единая Россия» будет править лет тридцать. И вдруг сам президент дает новую команду, и те же, кто только что говорил о тридцати годах правления «Единой России», начинают судорожно создавать буквально из ничего некое подобие второй партии. Конечно, никакой реальной второй партии так не создашь, но в рамках управляемой демократии можно создать и вторую партию, и хоть десятую. В ГДР было их чуть ли не десять. В Узбекистане сейчас – четыре, одна преданней другой Каримову. Но теперь, когда Путин собирается уходить, предстоит нервный период. Скоро все начнут напряженно думать, каким окажется его преемник, следует ли рассматривать его как «настоящего» хозяина или настоящим хозяином все-таки останется Путин, а этот – только на четыре года? И что делать с портретами Путина, которые висят в каждом чиновничьем кабинете? Убирать? Оставлять рядом с новым портретом? Делать новый портрет большим, а путинский – малым или делать их равного размера? Решение президента уйти и назначение преемника неизбежно породит опасную сумятицу в умах. И зачем в это и без того нервное время вносить еще дополнительную неразбериху, чтобы еще было непонятно, за какую партию надо голосовать и обеспечивать ей победу?

Третий симптом странной нерешительности – меньший по значению, но также вписывается в общую картину. Сурковым был придуман термин – «суверенная демократия», очень похожий на термины коммунистической эпохи – «народная демократия», «социалистическая демократия». Термин, конечно, совершенно пустой, но прекрасно подходящий для теперешней ситуации (нам Запад не указ, мы – суверенная демократия, захотим – и у нас президент хоть десять сроков будет переизбираться). И вдруг власть публично устами Медведева от этого термина отрекается, заявляя, что принципы демократии – едины.

Что все это значит?

Мне кажется, что объяснение может заключаться в следующем. Ельцин и Путин занимались строительством нового Российского государства, не очень-то думая об общем плане и облике строящегося им здания. Оно создавалось по частям, по мере возникновения потребностей. Но теперь оно почти построено. У него есть ясная форма, ясный контур, ясный образ. Их уже нельзя не видеть, и нельзя не видеть того, что на демократию, которую провозгласили в 1991 году, это здание совсем не похоже, но, наоборот, очень похоже на советский строй. Как сказал Черномырдин: «У нас какую партию ни создавай – все получается КПСС». Осталось приложить последние усилия, сделать последние шаги. Но они уже не могут быть несознательными. Уже видно, к чему ты пришел, и надо или признать, что ты пришел не туда, куда хотел (что психологически почти невозможно), или – что это и было твоей целью, что мы пришли к каким-то истинно русским, принципиально отличающимся от западных, политическим формам. (На самом деле, конечно, они такие же русские, как узбекские, казахские или египетские.) Но это требует какого-то идеологического обоснования. Здесь нужны какие-то новые слова и новые

мысли. А откуда их взять? Не случайно, конечно, что Путин с таким интересом относится к Ивану Ильину, который писал, что после свержения коммунизма России нужен будет «христианский диктатор».

На последние шаги нужно решиться. Но решиться на них – страшно. И это – не страх перед Западом, народом или оппозицией. Это – страх перед необходимостью осмысления пройденного пути, пути «по кругу», необходимостью оценить построенное. Создается ощущение, что президент замер перед этими последними шагами и никак не может на них решиться. И общество ждет, какое решение он примет, – само-то оно давно уже ничего не решает. Но часы тикают, время идет. И в будущем году решение принимать придется.